

О П Е С Н Е

чая, что современные свадебные, застольные и т. п. обрели новое содержание, что вместо «ямщицких» появились песенки машинистов, шоферов, к традиционным поводам для песни—свадьба, сбор урожая и т. п.—прибавились новые, и мы поем «спортивные», «целантные», «космические»... Надо бы, радоваться, изучать, какие качественные изменения внесло наше время в старинную традицию, берущую свое начало еще в обрядовых песнях, а критики огорчались. Вместе с ними огорчались и редакторы радио, Музгиза, эстрады...

А СКОЛЬКО упреков было высказано драматическим актерам за разговорную манеру пения! В ней усмотрели западное влияние, тогда как еще Н. М. Лопатин, известный знаток русской песни, указывал на то, что «народный певец рассказывает песню, то есть столько же ее поет, сколько говорит». Шуточные, характерные народные песни в исполнении певцов, предпочитавших вокал выразительности, потеряли юмор. А когда очень игровую песню «Было у матушки семеро зятьев» стали громкогласно выкрикивать монологичные хоры, без всякого чувства рявкая: «Макарке в шею, Захарке в шею» — такое исполнение не могло не охладить у молодежи интереса к русской народной песне.

Пуританский взгляд на песню привел к тому, что единственный прием характеристики — внесение в поэтический текст канцеляризмов, казалось, исчерпанный М. Исаковским еще в стихах двадцатых годов («Мы гуляли по лесам местного значения»), безраздельно царствует в нашей песенной лирике: «Любовь, друзья, вопрос такой, который всех касается»... «Ты учти, что немало других на меня обращаешь внимание» и т. д.

Отбери эту единственную, теперь уже небогатую характерность, и песни станут плоскими, как кирпичи.

Одним словом, лохматому парню с гитарой исполнять нечего не потому, что для него мало пишут. Для него часто пишут не так.

Т ЕМ, ЧЕМ пренебрегли профессионалы, питается и все студенческое самодеятельное творчество. Об этом свидетельствует конкурс «Споемте, друзья», проведенный на страницах «Комсомольской правды».

Представьте: еще закрыт занавес, но в зрительном зале уже звенят песни. Одновременно из разных уголков под аккомпанемент гитар, под ритмичные хлопки ладоней звучат они, сливаясь с песнями, доносящимися из фойе.

Но вот раскрылся занавес, и установилась тишина.

Сам лев убежит, уйдет бегемот,
Питон уползет пятнистый,
Когда в турпоход
По джунглям пойдут
Веселый народ — туристы.

Сразу видно, что песня самодеятельная. В профессиональную питон не забрался бы. А конференсье объявляет: «Был исполнен гимн туристов Подмосковья».

— Гимн? Но ведь это несерьезно!

— Ну и что же? Туризм — веселое дело.

Помнишь, как вьюжной ночью,
Остановившись в школе,
Мы у печурки жаркой,
Все позабыв на миг,
Пели про то, как где-то,
В снежном далеком поле,
Чужа конец свой близкий,
За-амерзал ямщик.

— Зачем в песне литературно-музыкальные ассоциации? Это дурной вкус.

— А как же без них? Ведь они — интел-

лектуальный багаж современного молодого человека. Они были в «Бригантине», в «Глобусе», они отличают песенного героя сегодняшнего дня.

Если, земляю обнимая,
Лягу с пулею в груди,
Ты тогда не плачь, родная,
И домой меня не жди.

— Вдурю о войне?

— Да, это песня поэта Евгения Аграновича, автора многих популярных стихов и песен, из которых опубликована только незначительная часть. Эту песню он сложил в годы войны, но молодежь поет ее и сегодня.

— Но зачем это сейчас? Своевременно ли? Издательства и радио почти перестали включать в свои планы новые песни об отгремевших боях. Но их сочиняет и поет молодежь, не слышавшая в своей жизни ни одного выстрела. Иначе и быть не может. Такие песни рождают мужество.

Конферансье объявил песенку «Глаза». Обратите внимание: профессиональные поэты-песенники основной преградой между влюбленными избрали робость, мешающую юноше или девушке объясниться в любви. Более серьезные преграды их пугают: как бы не вызвать уныние. А здесь все иначе:

Я понимаю, как смешно
В глазах искать ответ,
В глазах, которым все равно,
Я рядом или нет.

Если профессионалы и пишут о неудачной любви, то предпочтительно от имени той стороны, которой «все равно». Так бодрее. А если все-таки от имени «страдающей» стороны, то как можно смешнее. Пусть влюбленный страдает, а над ним все потешаются, пока он сам не расхохочется. Песенка «Глаза» кончается вполне серьезно: «Но я дождусь такого дня, и вера в то крепка: ты жить не сможешь без меня...» Это же так естественно для юноши.

А создают ли молодежь, самодеятельные композиторы и поэты остро-хаотические постоянные «амплуа»? Еще бы! У туристов, например, есть остро-характерный образ бывалого парня, весельчака и обжоры, не теряющего бодрости духа ни при каких обстоятельствах. Он герой многих песен.

Немало песен о любви сочинили Ада Якушева и Ира Алтаржевская. Ада Якушева — бывшая студентка МПИ. Она организовала в своем институте небольшой ансамбль, отличающийся высокой музыкальной сложностью и выразительностью исполнения. Когда Ада окончила институт, руководителем этого самодеятельного коллектива стала Ира Алтаржевская. Сейчас ей на смену пришел Вадим Чернов.

«Вечер бродит» назвала одну из своих песен Ада Якушева. Есть в этой песне такая строфа:

Вижу целый мир в глазах твоих
Тревожных

В этот час на берегу крутом...

Не смотри ты так неосторожно...

Я могу подумать что-нибудь не то.

Сколько раз девушки в песнях просили любимых, чтобы они не смотрели на них «пристально», «понапрасну», но «неосторожно» — также как и «Я могу подумать что-нибудь не то» — героиня песни сказала, именно так, как говорят в подобных случаях современные девушки.

С ТУДЕНЧЕСКИЕ самодеятельные песни нравятся многим. Впрочем, после первых похвал начинаются и сомнения: Не слишком ли много синкопированных мелодий? Не напоминает ли «городской колорит» этих песен «блатную лирику»?

В свою защиту молодежь приведет немало убедительных доводов и бесконечное количество примеров. Вспомнив утверждения нашей критики прошлых лет, что истинно народные корни песенного творчества только в старинном деревенском фольклоре, а «городской» романс — это уже кабацкая музыка, молодежь спросит нас:

— А «Степь да степь кругом»? Ведь это народная песня? Однако по мелодии она гораздо ближе как раз к городскому романсу. А «Не брани меня, родная»?

— Но «блатная» лирика...

— Что значит «блатная»? Тюремная? «Динь-бом, динь-бом — слышнн звон кандалный»? Или, может быть, вы имеете в виду тот абсолютно несамостоятельный вид «творчества», который породил «Не стой на льду — лед провалится, не люби вора — вор завалится». Так это же «Эх, сыпь, Семеновна, подсыпай, Семеновна». А знаменитая «блатная» «Не плачь, подруженька» — это испорченная ария Риголетто, «Я был влюблен в один глаза» — перепев полонеза Огинского.

— Ваша ошибка, — скажет нам молодежь, — состоит в том, что вы по какому-то одному признаку хотите определить, что пошлость, а что нет.

Защищая свои произведения, молодежь припомнит, что «Варшавянка» или «Варяг» вовсе не уходят корнями в старинный деревенский фольклор. Действительно, дело в совокупности всех элементов песни. Нельзя раскладывать по полочкам: синкопа — это чуждое влияние, мажор — бодрость, а минор — обязательно «надрызг». Тогда мы убеждем нашу песню от унылых людей, нападающих сейчас на популярнейшие «Я люблю тебя, жизнь» и «Хотят ли русские войны».

Согласимся с молодежь. Мы для нее пишем. Не будем пугаться острых современных ритмов, которые ей по душе. Не будем вытраивать современные звучания и приемы голосоведения только потому, что их не было сто лет назад. Это неслучно. Ритмические и интонационные трудности, непреодолимые для самодеятельных певцов десять лет назад, сейчас привлекают их.

Мы не предлагаем амнистировать безвкусицу, которой, к сожалению, немало в пухлых заветных тетрадках с любимыми студенческими песнями. Но как бы то ни было, надо прислушаться к тому, что поют, и проанализировать то, что поет не хотят.

И неужели же нам не удастся создать современные песни, которые бы пришлись по вкусу лохматому парню с гитарой? Ведь он умен, талантлив и очень симпатичен. Он слушал песни-роли Ива Монтана («Солдат», «Шофер», «Большие бульвары» и т. д.), и они ему нравились. Но от лохматого парня умудрились скрыть, что многие русские подлинно народные песни таят в себе именно то, чем ему понравился французский певец. Этот парень с гитарой никак не поймет, почему до сих пор не издано лучшее в студенческом фольклоре, фольклоре туристов или, например, ученых-физиков.

Композиторы не заместили, что смеляковское «Если я заболею, к врачам обращаться не стану...» — прекрасная песня, а лохматый парень заметил и сочинил музыку. Он нашел музыку к стихам В. Инбер «Мальчик создан, чтобы плакать», распевает кирсановское «Здесь так далеко, так далеко — трудно доехать». Ведь это же примечательно: он поет стихи и подчас довольно сложные (Мартынова, Межирова, Самойлова, Слуцкого), стихи, а не так называемый «текст». Бернес запел стихи Винокурова, стихи Ваншенкина — парень подпевает. Право, для него стоит потрудиться.